

КРЫМ

ГЛАЗАМИ ПИСАТЕЛЕЙ
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
К85

Дизайн серии *Алексея Родюшкина*

На переплете акварель *Максимилиана Волошина*

Составление и предисловие *Дмитрия Лосева*

В оформлении книги использованы фотографии с видами Крыма начала XX века из архива *Дмитрия Лосева* (Феодосия)

Крым глазами писателей Серебряного века / Сост., предисл. К85 Д.А. Лосева. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 368 с. — (Образ Отечества).

ISBN 978-5-17-162878-9

Серебряный век русской литературы подарил читателю множество вдохновенных произведений о Крыме. В этом сборнике представлена проза одиннадцати писателей. Среди них Максимилиан Волошин, Марина Цветаева, Валерий Брюсов, Максим Горький, Александр Куприн, Михаил Булгаков. В их текстах оживает великолепная крымская природа, шумит море, ослепительно светит солнце, зовут к себе горы-великаны. Читатель побывает в Ялте и Балаклаве, Коктебеле и Бахчисарае, Севастополе и Феодосии, поднимется на Ай-Петри и Карадаг, подышит морским воздухом и окунется в незабываемую атмосферу волошинского дома.

УДК 821.161.1-94
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-162878-9

@ Лосев Д.А., составление, предисловие, 2024
@ ООО «Издательство АСТ», 2024

Точным взглядом — о Крыме

В начале 1910-х годов замечательный русский литератор, доктор Сергей Елпатьевский, работая над книгой «Крымские очерки», сформулировал очень важную для себя мысль: «Кто бы ни пришел в Крым, из каких бы суровых чуждых мест ни приходили люди, — они сделаются крымскими людьми. Как виноградные лозы, пересаженные из Испании и Франции и с острова Мадеры, теряют здесь часть своей индивидуальности и становятся крымскими лозами, так и люди, какие бы они ни были и из каких бы холодных мест они ни приходили, — размякнут и разнежатся, и примут в свои души часть души моря и тополя, немой горы и золотого крымского месяца».

Прав оказался Сергей Яковлевич: ровно так прожили свою творческую судьбу на благословенных берегах Тавриды и его собратья по перу. Легче назвать, кто из представителей Серебряного века не приезжал в Крым, чем наоборот. На рубеже XIX–XX столетий этот край посетили и подолгу в нем жили многие выдающиеся писатели. Солнечный полуостров их притягивал, обещал, звал. Уроженцы дальних российских губерний, они одинаково полюбили Крым, прочувствовали его уникальность и неповторимость. Полюбили его историю и природу — гордые генуэзские руины Феодосии и Балаклавы, буйство цветов в апрельских полях Бахчисарая и Старого Крыма, его горы и уютные бухты, гордый Херсонес и сказочный Кара-Даг, алушкинский дворец и виллы Симеиза... А полюбив — либо остались в Крыму навсегда, либо возвратились на родину с сердцем, переполненным воспоминаниями, чувствами, красками. И еще — с блистательными творениями в прозе и поэзии.

Серебряный век русской литературы подарил читателю множество таких вдохновенных крымских текстов. Те несколько творческих десятилетий, начиная с девяностых годов XIX века, были обозначены большим числом потрясающих произведений. И даже когда с приходом к власти большевиков на материковой России вроде и завершился тот самый Серебряный век, его дыхание, свобода творчества проявлялись еще дюжину лет именно в Крыму, в волошинской Киммерии. Это парение духа продолжилось там, в Доме Поэта, вплоть до кончины гения места в августе 1932-го.

Обозначая такие временные границы крымского периода Серебряного века, мы и составили сборник, который вы держите сейчас в руках. В нем — произведения одиннадцати авторов. Он не претендует на формат крымской антологии: издатель, как всегда, ограничен в количестве книжных страниц. Наверняка, если бы собрать все самые значительные прозаические произведения о Крыме, написанные в то время, понадобилось бы не менее десятка томов. И это лишь очеркистика и художественная проза. А сколько еще мемуарных страниц, публицистики, литературной критики, эпистолярия и дневниковых записей сохранилось о русской Тавриде!

Писатель Евгений Марков (а именно с его строк открывает наш сборник), строго говоря, может, и не фигура Серебряного века, но он застал его блистательное начало, представив во многих своих крымских текстах особенность и уникальность края, в котором жил и где способствовал преобразованиям в области просвещения. Созвучен ему и ялтинский обитатель Сергей Елпатьевский, создавший поэму в прозе о пяти удивительных уголках крымской земли: в нашей книге он повествует о Балаклаве и Коктебеле.

Максим Горький, в девяностых годах XIX века прибыв в Феодосию на строительство грандиозного коммерческого порта, оставил нам в своих крымских рассказах портреты людей, образы эпохи. Яркие зарисовки Тавриды предложил читателям и Александр

Куприн, провожая в море рыбаков-листригонов, потомков греческих колонистов, живших в Балаклаве. Валерий Брюсов, рассказывая о крымских днях Александра Пушкина, словно перебросил мостик от Золотого века русской культуры к веку Серебряному — от Крыма, явившегося колыбелью «Евгения Онегина», к Крыму — ковчегу спасения для многих творческих людей, укрывшихся там «в годы лжи, паденья и разрух». Именно тогда оказался в Восточном Крыму и Осип Манделштам, создавший в начале 1920-х годов интереснейший цикл рассказов «Феодосия».

Ювелирно точен в своих оценках уникальности крымской земли и ее истории коктебельский мудрец Максимилиан Волошин. Узнав в эмиграции о смерти поэта, его большой друг Марина Цветаева написала проникновенный очерк о нем, а значит — и о своем Крыме, в который возвращалась памятью прекрасных лет. В изгнании вспоминал о Тавриде и Константин Бальмонт: «Крым — голубое окно... моих счастливых часов освобождения и молодости».

Крымцами, той самой крымской лозой, также чувствовали себя авторы «Алых парусов» и «Белой гвардии». Александр Грин, последний отрезок своей жизни обитая в Феодосии и Старом Крыму, написал там четыре романа, две повести, десятки рассказов, а еще работал над повестью о Хар-Датаге (Кара-Даге), оставшейся, к сожалению, незавершенной. В 1925 году читатель Страны Советов путешествовал по Крыму вместе с Михаилом Булгаковым, посетившим Коктебель, Феодосию, Ялту, Ливадию, Севастополь...

А теперь уже и современный читатель словно возвращается в те годы, в тот ушедший Крым, который так любили и куда стремились вернуться многие и многие наши блистательные писатели. Давайте и мы их глазами еще сердечнее и трепетнее прочувствуем страну с величественным названием «Крым-Таврида».

Дмитрий Лосев

Евгений Марков

Крым и его особенности

Фрагмент

Крым — часть Таврической губернии, кроме того, что он — одна из Новороссийских областей, и один из множества углов необъятной России, — кроме всего этого и прежде всего этого, он — Крым, то есть вполне самостоятельный, ни на что другое непохожий край, имеющий свою специальную и чрезвычайно оригинальную историю, свою совершенно отдельную от России географию и этнографию, свои достопримечательности такого характера, о которых не знает ни остальная Новороссия, ни остальная Россия.

Крым географически почти не связан с Россией. Одна тонкая жилка перекопского перешейка (имеющего меньше 7 верст в ширину) соединяет с широко раскинувшимся

на запад и восток южным берегом русского материка. И эта утлая связь была постоянно, в течение истории, пересекаема глубоким рвом, в который напускалась вода моря, и который должен был прекращать последние сношения маленького уединенного полуострова с беспредельными степями материка. Начиная от доисторических времен Тавроскифии до последних походов Миниха, Ласси, Суворова, в XVIII столетии, постоянно существовал этот искусственный барьер между Крымом и Россией, в помощь тем естественным барьерам, которые кругом оцепляли Крым, в виде волн Черного, Азовского и Гнилого морей...

И по существу, нет ничего противоположнее между собою, как очертанье России и Крыма.

Россия — это громадный сплошной материк на многие тысячи верст в глубину и ширину, цельный и простой как обрубок дерева, почти без заливов и мысов. Крым — это капризно изрезанный полуостровами, бухтами, мысами, стрелками, заливами маленький обрывок земли, почти совсем отгрызенный морями от материка, почти кругом, как остров, охваченный их волнами.

Богато развитая береговая линия Крыма гораздо более напоминает собою счастливые приморские уголки Юга, вроде Греции, Малой Азии и Италии, чем суровые сухопутные равнины Севера.

Оттого-то Крым так же, как малоазиатские берега, Кипр, Крит, Эллада, Пелопоннес, Южная Италия и Сицилия, стал еще на заре истории гнездом европейской культуры.

Всё звало, всё манило сюда предприимчивость первых цивилизаторов: и безопасные глубокие пристани для

судов, и неприступность скалистых мысов, с которых так удобно было сторожить море, на которых так легко было укрываться и защищаться от врага и зажигать сигнальные огни товарищам морских странствий; тепло солнца, красота моря и гор, благодарное обилие почвы...

Еще люди, которые своими устами рассказывают воспоминания, помнят то время, когда крымский татарин бросал семена на непаханую землю и получал богатые урожаи, когда из косточки персика, случайно упавшей на землю, без всякого ухода человека, выросло в три-четыре года целое сильное дерево и давало душистые плоды.

Древность переполнена рассказами о крымском изобилии. Босфорский царь Левкон, в IV веке до Рождества Христова, доставил в Афины из Феодосии 375 000 четвертей пшеницы, и тем спас от голода афинян, которые наградили его в благодарность за это почетным званием афинского гражданина. Митридат точно также получал из Крыма множество хлеба.

Немудрено, что уже первые поселенцы Европы заглянули на берега Крыма, проплыв тогда еще «Негостеприимный Понт» (Понт Аксенос) и оставили на его берегах свои легенды и свои развалины.

«Ифигения в Тавриде» оставила Крыму теперешний Партенит под Аюдагом и мыс Партениум (то есть мыс Девы) около Георгиевского монастыря. Там еще не очень давно путешественники видели пещеру, в которой скрывались Орест и Пилад, храм девственной богини, в котором совершались кровавые жертвы над чужеземцами, приносимыми волною «Негостеприимного Понта», и древние бронзовые доски, на которых была изображена трагическая история Агамемноновых детей...

Серьезные ученые не сомневаются, что Улисс побывал прежде всего на скалистых берегах Крыма, что в его каменных пещерах, уцелевших доселе, жили собратья Полифема — циклопы, пастыри овец, поедавшие живых людей, что на его берегу стоял город лестригонских людоедов, что судно Улисса входило в «узкоустую» бухту нынешней Балаклавы.

Всё благоприятствовало истории и цивилизации на этих теплых берегах. Непочатая чаща лесов для кораблей; несокрушимый камень для домов везде под рукою; тучные долины, защищенные от ветров, открытые солнцу; обилие горных вод; сзади недоступные хребты гор, образующие естественную крепость против набега кочевников; спереди — всюду открытое море, за которым Колхида и Троя, Гераклея и Милет, афинский Пирей и финикийские пристани...

Гераклейцы (жители той самой теперешней Пендераклии, перед которою наши герои-моряки захватили вооруженную Мерсину) основывают еще за несколько сот лет до Рождества Христова знаменитый впоследствии Херсонес близ Севастополя, ставший сильною и самостоятельною республикою.

Почти в то же самое время милетцы в честь своего бога Пана, олицетворявшего сытое обилие земли, воздвигли почти на месте нынешней Керчи город Пантикапею.

Пантикапея сделалась потом таким же средоточием Восточного Крыма, каким Херсонес был для Западного. Вокруг нее собирается Босфорское царство, поглощающее древнюю Феодосию, воздвигающее против диких туземцев степи длинную стену по всей границе своей от берегов Сиваша до берегов Черного моря. Точно также и херсонесцы

отделили стеною свое царство от Черной речки до моря значительно позже, и византийский император Юстиниан оградил стенами и башнями от номадов трудолюбивых поселенцев всего горного Крыма, признавших его власть...

Очень долго в Крыму действовали только прибрежные местности, цивилизованные колонии эллинов, которые затем перешли в римское и византийское владение, а в средних веках перешли к генуэзцам и венецианцам с их Каффою, Сугдайею и пр. Только в конце крымской истории степное татарское царство, а потом материковое русское с его обычаями централизации и единства заслоняют собою деятельную историю множества маленьких, друг от друга независимых, портовых городков...

Степной Крым и горный, в сущности, две отдельные, несовместные друг с другом страны, только прихотью природы связанные в один нераздельный полуостров. Крымская степь безотрадная, глазом необъятная гладь, летом высыхающая и трескающаяся, как битые черепки глиняной посуды, бурая от глины, седая от солончаков, покрытая бурыми пыльными бурьянами, колючим «кураем», татарками, ворсильною шишкою, петровым батогом, вся седеющая жидким бородастым ковылем... Осенью и зимою — невылазная сплошная грязь, распускающаяся в глубину нескольких аршин, в которой безнадежно вязнет и тонет самая привычная и выносливая скотина... Только весною эта степь бывает прекрасна в девственно зеленом пуху своих молодых трав, испещренная яркими южными цветами, оттененная стадами белых овец и серых журавлей, вся переполненная весенними звуками... Тогда даже и самый простор ее кажется красотою и счастьем; тогда никуда бы, кажется,

не вышел из нее, никогда бы не расстался с нею. Но коротка эта молодость крымской степи.

В обычное же время всё гонит отсюда человека цивилизованной мысли и цивилизованного обычая. Только желтому, как пергамент, косоглазому, скуластому нагайцу, с его терпеливостью и выносливостью степного зверя, с его вкусами кочующего волка, кажется возможным и даже отрадным жариться шесть месяцев на голом припеке солнца, да слушать завыванье степных осенних бурь, которые врываются сюда из дальних азиатских пустынь... Он лежит себе, словно зверь в берлоге, в своей низенькой сакле, затерянной в бурьянах, землю покрытой, из земли сделанной, землю вымощенной, к земле прилегшей. Ему даже печки не нужно. Он бесхитростно печет свою лепешку прямо в золе открытого очага; дует целыми кубанами кобылий кумыс, да гложет, когда случится, лошадиную кость... Табуны его пасутся по степным балкам, и он только изредка заглядывает к ним.

Эти истые татарские деревушки прячутся тоже по балкам, чуть приметные даже вблизи своими земляными трубами, а издали их никто не увидит... Ни деревца, ни веселого светлого домика с яркою крышею, приветливо смотрящего на свет божий. Это скорее гнездо земляных нор вроде тех, которые устраивают себе сурки, овражки, хомяки, чем действительные сельбища человека. Разве изредка торчит над этими вкопавшимися в землю берлогами старая серая башенка минарета, теряющаяся на фоне серого поля.

Татарину, исконному кочевнику, не страшна ни эта безводица, ни эта пустынность. Не привыкать стать ему к ним после тех выжженных степей Азии, из которых он вышел когда-то, где воспитались долгими веками его вкусы

пастуха и разбойника... Татарин умеет разыскать воду там, где никто не подозревает ее, и умеет обойтись таким малым, каким никто кроме него, не обойдется. Живут теперь и, кроме татарина, люди в степи. Стоят теперь в ней кое-где и помещичьи овечьи экономии, колонии болгар и немцев. Но не уживаются ни те, ни другие с тяжкими условиями этого полудикого быта. Чабан, который всю жизнь ходит за отарами овец, чувствует и мыслит немного более овцы, которую он гонит. Он также дома в этой степи, как и стаи птиц, кочующие в ней весной и осенью. Но человеку иных привычек не под силу это зоологическое существование...

К окраинам своим степь разнообразится только цепями соленых озер. Озера эти — памятники тех отдаленных веков, когда гладь крымской степи была еще ровным дном соляного моря... Ничто не идет так к безотрадной обнаженности степи, как эти безотрадно обнаженные бассейны вод, в которых вместо воды неподвижный тяжелый рассол, берега которых покрыты не зелеными рощами и не яркими дачами, а унылыми сплошными скирдами черного, как грязь, бузуна. Дальше море, ближайшее к степи, и то словно несет на себе отпечаток ее неприятности и безжизненности.

«Гнилое море», или «Сиваш», как называют его жители Крыма, омывает своими мертвенными водами почти весь северный и западный берег полуострова. В этих водах, насыщенных йодистыми солями, не может жить ни один животный организм; но это море мертво не по одному отсутствию в нем всякой жизни; оно мертво и для торгового движенья, потому что Арабатская коса отрезывает его от сообщения с Азовским морем торговыми портами, и оставляет его лежать заключенным и бесплодным...

Сильный запах йода проникает атмосферу берегов этого странного моря и растущие в нем водоросли, и дано ему совершенно ошибочное название «Гнилого моря». В сущности же, ничто не может гнить, потому что здесь ничто не может жить; напротив, на берегах этого поистине «негниющего моря» почти никогда не бывает заразы, даже во время сильнейших эпидемий, потому что неоткуда взяться миазмам в этом аптекарском воздухе.

Большую оригинальность степного Крыма представляет Арабатская стрелка. На 104 версты в длину тянется узкая, иногда не более четверти версты, иногда версты три шириною, эта природная каменная плотина, этот удивительно смелый и удивительно прочный брекватер, вот уже несколько столетий отделяющий бурные воды Азовского моря от тихих заводей Сиваша...

Едешь по этой на вид столь утлой стрелке, сопровождаемый справа грохотом штурмующих волн, и всё ждешь, что вот-вот она порвется надвое под неистовым напором моря. Среди необозримой шири воды направо и налево она кажется впереди только протянутой ниточкою. А на ней безопасно стоят почтовые станции, хутора и деревеньки. Она — не из земли, даже не из камня; она вся сплошь из мелких раковин моллюсков, которые скипелись под давлением воды и времени в одну непроницаемую толщу на несколько сажень в глубину, на сотню верст в длину...

Весною и это пустынное шоссе через морские глубины полно жизни. Темно-синюю поверхность Сиваша покрывают тогда тысячи водяных птиц: пеликанов, уток, чаек и всякой всячины. Они пользуются спокойствием и уединением его, чтобы истребить всю ту рыбу, которую захватили они в Азовском море, и безопасно отдохнуть...

Ни истории, ни этнографии, ни экономической жизни нет в голой степи Крыма. Она еще всецело проникнута первобытным характером тех времен, когда служила полем диких сшибок одних варваров с другими и временно стоянкою кочевника-победителя... То же безлюдье, то же безводье, то же бездорожье, то же грубое овечье и табунье хозяйство номадов...

Селения, тысячами выжженные Минихом и Ласси, словно не возобновлялись после них, а старых колодцев больше засыпалось и пересохло с тех пор, чем выкопано новых.

Артезианский колодец безмерной глубины и безмерной стоимости, над которым бесплодно хлопотало столько лет множество ученых комиссий, стоит праздно в самой центральной котловине степи, оказавшись не в силах напоить эту от века безводную почву... Он служит живым доказательством бессилия цивилизации против укоренившегося степного варварства, которое заставило гордую европейскую затею спустить перед собою флаг... Правда, железная дорога забралась из России через Сиваш по Чонгарскому мосту и перебежала неприютную степь; но она не внесла в нее жизни и движения; она, не оглядываясь на нее, не задевая ничем ее сонного покоя, пронеслась прямо в счастливые предгорья, к цветущим берегам моря, где приютились многолюдство и обилие...

Сама же степь отвечает на давление цивилизации, всюду охватывающей ее кругом, только бегством от нее старых кочевников, выселениями туземцев степи — татар и ногайцев — в родную им Азию...

Степняки уходят, но степь через это не перестает быть степью, только становится скуднее и унылее... Еще в конце XVIII века можно было купить для нашей армии более

тысячи верблюдов так легко, что это было решительно не заметно для степного хозяйства, хотя цена верблюда уже достигала 150 рублей. Косяки мурзаков были очень многочисленны, и, по словам Палласа, в его время «всякая степная деревня владела многочисленными стадами рогатого и мелкого скота». А теперь верблюда уже встречаешь как редкость, и можно прожить в Крыму довольно долго, ни разу не увидев его.

Немудрено, что при таких условиях цена степной земли в Крыму доходит до самого низкого уровня; что десятину можно еще купить за 5–6 рублей; что почти все степные имения Крыма заложены и перезаложены, и безнадежно просрочены, так что нужно бывает особое вмешательство высшей власти, чтобы удерживать от немедленной продажи с молотка большинство таких имений.

Только в долинах, поближе к горам, есть доходные имения, урожайные сады, табачные огороды. Но это уже не степь, это — уже преддверие горного Крыма, это — уж не царство кочевника-ногайца, когда-то завоевавшего страну своею плетью и колчаном стрел, а царство древнего поселянина Крыма — грека, итальянца, гота, которые сохранили под мусульманскою шапкою и при татарском языке свои родные вкусы садовника, рыбака и винодела...

Истинный Крым — не Крым степной орды, а Крым горных долин и южных морских берегов. Там уже не общий характер Новороссийской или Прикаспийской степи, а разнообразный живописный пейзаж итальянского или малоазиатского горного приморского юга. Там теснота, красота, своеобразность, неожиданность. Там реки, леса, моря и скалы, глубокие долины и заоблачные пастбища.